

**РАБОТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДОТДЕЛА
В СИСТЕМЕ НАРКОМПРОСА РСФСР В 1923-1926 ГОДАХ:
ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

© 2019 И.А. Сорокина

Институт археологии Российской академии наук, г.Москва

Статья поступила в редакцию 19.12.2019

В статье рассматривается практическая деятельность административного органа, созданного в 1918 г., – Археологического подотдела (подразделения Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР) в 1923-1926 гг. Прослежены основные направления работы: участие в разработке первого советского закона об охране культурного (в том числе археологического) наследия; в создании и укреплении сети музеев – хранилищ археологических коллекций; в регламентации полевых исследований. Отмечается огромная роль заведующего подотделом в этот период – выдающегося ученого-археолога В.А. Городцова, являвшегося по должности главным администратором российской полевой археологии.

Ключевые слова: общероссийский план полевых исследований, открытый лист, инструкция по охране и исследованию памятников археологии, Археологический подотдел.

Организация управления культурным (в том числе археологическим) наследием в первые годы советской власти, как и учреждения, на которые молодое государство возложило эту обязанность, в последнее десятилетие явились объектом пристального изучения. Это и понятно, так как революционные потрясения 1917 г. изменили всю систему институций имперской России, ранее исполнявших эти функции. Изменили многое, но полностью не сломали. Так, мы знаем, что Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) была создана на базе Российской государственной археологической комиссии (РГАК), в свою очередь реорганизованной на основе Императорской археологической комиссии (ИАК) и адаптированной к работе в новых реалиях¹. Также известно, что Петроградский (Санкт-Петербургский) археологический институт не был закрыт, как ранее утверждалось, но продолжал работу и стал частью Санкт-Петербургского университе-

та². Можно привести примеры трансформации учреждений и в провинции.

Вместе с тем возникли принципиально новые явления, свойственные постепенно создававшейся советской системе организации науки и культуры. Например, так называемое «музейное строительство», осуществлявшееся Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (далее МУЗО) и имевшее непосредственное отношение к археологическому наследию³. Но самым важным новшеством применительно к археологии стало разделение научной и административной функций между главными археологическими учреждениями того времени. Ранее оба направления были сосредоточены в ИАК, которая и выдавала открытые листы на полевые изыскания (административный аспект), и следила за научной отчетностью и качеством полевых работ (научный аспект). Теперь же научная часть закреплялась за РАИМК, с 1919 г. ведавшей научным исследованием и «научной охраной» вещественных памятников, а также «научной стороной» всех археологических раскопок

Сорокина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела теории и методики. E-mail: iasorokina@yandex.ru

и разведок»⁴. При этом самостоятельно регламентировать полевые изыскания (то есть выдавать открытые листы) Академия не могла. Эти административные функции были возложены с 1918 г. на Археологический подотдел в составе МУЗО, занимавшийся также «музейным строительством» в области археологии и организацией охраны археологических памятников, ставший таким образом, первой археологической службой Советской России.

Процесс организации и общий характер деятельности Археологического подотдела (далее АПО) на протяжении всего времени существования рассмотрен нами в специальной статье⁵. Проанализированы цели работы, возможность их воплощения, намечены основные этапы, обозначены проблемы, например, противостояние с РА-ИМК, возникшее в значительной степени на личностной основе. Задачей настоящей статьи является освещение практической деятельности АПО в 1923-1926 гг. Попытаемся показать, что же конкретно было сделано этим подразделением для развития российской археологии в указанное время.

Данные для анализа деятельности АПО содержатся в архивах, прежде всего в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ), где хранится фонд Главнауки Наркомпроса⁶, которой был подчинен МУЗО и, следовательно, Археологический подотдел. Некоторое количество интересующих нас материалов есть в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, но они в значительной степени дублируют документы из ГАРФ. Обзор на основе этих материалов опубликован⁷.

Важно, что работа АПО в это время неразрывно связана с личностью его заведующего – выдающегося ученого-археолога В.А. Городцова. Его энергия и потрясающая работоспособность восполняли вечный недостаток кадров в этой археологической службе, делали АПО центром притяжения для провинциальных ученых и учреждений. В.А. Городцов был заведующим АПО с момента его создания в 1918 г. Тогда штат

АПО состоял из 5 сотрудников, была намечена большая программа по полевым исследованиям, сбору данных об археологических памятниках, раскопках и музейных коллекциях, а также по составлению археологических карт. В 1921-1922 гг. в результате реорганизации МУЗО и в целом Наркомпроса почти вся деятельность была свернута. Вместо АПО осталась Археологическая секция с единственным сотрудником – самим Городцовым. В середине 1923 г. в связи с подъемом активности в области исследования археологических памятников статус подотдела был возвращен, штат увеличился до 3-х человек.

Шел поиск путей развития археологической службы в изменившихся условиях. К началу того же 1923 г. относится разработанный Городцовым и практически не реализованный проект Центрального археологического бюро (далее ЦАБ) как новой формы общероссийской археологической службы (вместо АПО)⁸. После ликвидации ЦАБ и возрождения АПО в новом качестве (июнь 1923 г.) возникла необходимость подтвердить новый статус АПО документально. Наркомпросом было принято новое «Положение Археологического п/отдела Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Главнауки Наркомпроса»⁹ (первое «Положение» относится к 1918 г.). В нем обозначены цели, задачи и принципы работы подразделения. Цель – учет, охрана и наблюдение за правильностью полевых исследований археологических памятников в РСФСР и СССР в целом. Научно-административная работа выполняется штатом АПО. Он ведет через МУЗО переписку с организациями и лицами. При АПО собирается Ученый совет, «руководящий, координирующий и наблюдающий всю работу по охране, учету, научному обследованию и раскопкам упомянутых археологических памятников на территории СССР, выдавая ОЛ на право раскопок и исследований и распределяя добытые раскопками и случайные находки по музеям СССР». Автор этого «Положения» – конеч-

но же, В.А. Городцов. Как и прежде, главная его задача – вытеснение РАИМК и полный контроль над археологическим наследием. Именно это стремление и составляло суть проекта ЦАБ, но оно же и способствовало неудаче начинания, так как руководство Музейного отдела и Главнауки вовсе не собиралось принижать роль РАИМК (и тем нарушать положения правительственного Декрета о РАИМК) в угоду амбициям пусть и выдающегося ученого, ставшего по должности ответственным за археологическое наследие огромной страны.

К общей характеристике периода необходимо добавить, что эти 4 года ознаменовались подъемом активности научной и краеведческой общественности. Связано это с переходом страны на «мирные рельсы»: от политики военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП). Оживилась экономика, появилась возможность финансирования полевых исследований. Особенно это коснулось экспедиций, организуемых местными краеведческими музеями. Специалистов-археологов и тогда, и потом катастрофически не хватало, тем более что исторические факультеты в университетах заменялись факультетами общественных наук (ФОН) без преподавания исторических дисциплин, а Московский археологический институт (МАИ) и его филиалы прекратили свое существование в начале 1920-х годов¹⁰. В результате место профессионалов заняли местные краеведы. Кроме того, ликвидация безграмотности, просвещение масс и приобщение их к культуре (на тот момент положительные результаты трудов Главполитпросвета) обусловили народный интерес к историческому и археологическому наследию. Все вышесказанное поставило государство перед необходимостью принятия охранного законодательства. Представляется, что именно его детальную разработку применительно к археологии следует считать основной задачей и главным итогом работы АПО в начале рассматриваемого периода.

В феврале 1923 г. состоялось заседание Коллегии Наркомпроса, на котором заведующая МУЗО (и непосредственный начальник В.А. Городцова) Н.И. Троицкая сделала доклад о состоянии охраны памятников всех категорий (не только археологических). По поводу последних Коллегия признала, что количество случаев самовольных и некачественных раскопок нарастает, необходимо срочно разработать проект постановления ВЦИК об охране археологических памятников, что и было поручено В.А. Городцову.

В сентябре 1923 г. появился документ «Археологический П/Отдел. (Доклад о работе и реорганизации)»¹¹. Обозначены «ударные задачи»: охрана и учет археологических памятников. Для этого составлены особые инструкции об охране археологических памятников как подзаконные акты к будущему Декрету СНК об охране памятников искусства и старины. Начата их рассылка губмузеям и исполкомам¹². Составлены проекты Декрета ВЦИК об охране археологических памятников и дополнения к статьям Уголовного кодекса, карающим за сокрытие и расхищение памятников старины (касательно археологии). Сам Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» был принят в январе 1924 г.¹³ и может считаться первым полноценным охранным законом в Советской России – СССР. В записке «Об исполненных и намечаемых работах по Археологическому П/Отделу на 1924 г.» отмечено, что составлена инструкция об учете и охране археологических памятников, предусмотренная п. 9 Декрета¹⁴. Это Инструкция Наркомпроса «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы», утвержденная Президиумом ВЦИК от 07.07.1924 г.¹⁵

Работа над законодательством – важное, но не единственное направление деятельности АПО. Еще в 1918 г. Музейный отдел обозначил одну из своих основных задач – музейное строительство. Имелось в виду не только руководство крупными столичными музеями, но и создание сети

местных краеведческих, художественных и иных музеев как центров культурной жизни провинции. Одним из важнейших направлений деятельности Археологического подотдела была реализация в части археологии политики МУЗО. Вот в этой области замечательно проявился организаторский талант В.А. Городцова, не оценим его опыт как музейного работника¹⁶. Он много ездил по стране, посещал местные музеи, консультировал сотрудников по хранению и экспонированию археологических коллекций. В упомянутом выше «Докладе о работе и реорганизации» АПО от 1923 г. говорится об «инструктировании и обследовании» археологических отделов музеев в Белеве, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Саратове, Самаре, Уфе, Брянске, Курске, Дмитрове, Рязани, Смоленске, Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи, Тамани. В отчете о работе АПО с октября 1924 г. по апрель 1925 г. значится следующее¹⁷: командировка в Сибирь для знакомства с раскопками и инструктирования сотрудников музеев (Иркутск, Красноярск, Минусинск); в Рязани на конференции музейных работников доклад В.А. Городцова об охране и учете археологических памятников и о построении археологического отдела краеведческих музеев (на примере Рязанского областного музея), участие в дискуссии о наиболее доступных для масс экспозициях и условиях культурно-просветительной работы музеев; участие во Всероссийской конференции по краеведению (доклад В.А. Городцова о задачах археологических исследований и о связи материальных культур в европейской России и Сибири); составление сметы для командировки В.А. Городцова в Туркестан в 1925 г. для обследования мест раскопок музеев и того же инструктирования. Как видим, вклад заведующего АПО в дело «музейного строительства» переоценить трудно.

В том же документе содержится и отчет АПО об организационной работе: 1) составление планов исследований на 1925 г. на основе заявок с мест и общегосударственного плана; 2) составление сводной ведомости

данных обо всех раскопках и разведках за период; 3) составление программы предполагавшегося археологического съезда; 4) составление циркуляра об охране выдающихся археологических памятников, анкет об их состоянии и циркуляра об археологических экспедициях в 1926 г.; 5) пополнение списка особо значимых археологических памятников; 6) распределение средств из общего финансирования Наркомпросом экспедиций (8750 р). По охране археологических памятников: возбужден вопрос о «национализации» Афонтовой горы и готовится такой же материал по Старой Рязани. В области методологии сделано: таблица обозначений для археологических карт; «составлена картограмма распределения археологических исследований по периодам и эпохам на территории СССР» и план методических работ (и смета к нему). Под руководством и наблюдением Музейного отдела (то есть АПО) составлены археологические карты по Подольскому, Воскресенскому, Дмитровскому уездам Московской губернии, Муромскому уезду Владимирской губернии и по части Костромской губернии. Составлена «стенная таблица археологической классификации по каменному периоду с приведением руководящих форм орудий, данных палеонтологических, геологических и климатических».

Последний пункт интересен тем, что, в сущности, отражает личную научную деятельность В.А. Городцова, хотя, давая консультации по устройству археологических экспозиций, он, разумеется, ориентировался на свои теоретические разработки. Как часть работы археологического подотдела он рассматривал и свои полевые исследования и включал в официальные отчеты довольно подробные сведения об их проведении и научных результатах.

Вся эта организационная и методическая работа имела место и раньше, что отражено в «Докладе о работе и реорганизации» АПО от 1923 г. Налаживался учет археологических памятников и полевых исследований. Большая работа проводилась по созданию

археологических заповедников на местах наиболее значимых памятников. Постоянно шла борьба с хищническими раскопками – это отражено и в переписке АПО. Укреплялись контакты с местной властью и органами охраны (губмузеями). Составлены планы и сметы экспедиций в Крым, на Кавказ и по центральной России.

Еще одна задача АПО в представлениях В.А. Городцова – «научно-систематическая организация археологических раскопок и исследований на территории СССР». В рамках ее реализации составлен план археологических раскопок, «рассмотренный и утвержденный компетентными учеными учреждениями республики». Однако реализовать этот план оказалось невозможно, отчасти потому, что учреждения на местах, имея собственное финансирование, по своему определяли свои задачи в области полевых исследований регионов. Существенным было и то, что, согласно Декрету о РАИМК, ей было поручено государством все научное руководство археологическими изысканиями, в том числе и составление планов. Попытки АПО монополизировать эту сферу вызвали вполне оправданную резкую реакцию Академии.

Особо следует рассмотреть деятельность АПО по регламентации археологических раскопок и разведок: работу с заявками на полевые работы, выдачу открытых листов (далее ОЛ), рассмотрение отчетов. Эта система была отлажена Императорской археологической комиссией и не была уничтожена советской властью, что было исключительно счастливым обстоятельством для развития отечественной науки и дела охраны археологических памятников. Однако вокруг нее разгорелись споры и конфликты после учреждения в 1919 г. РАИМК, которой отводились теперь научные функции в обеспечении процесса регламентации. До этого, в 1918 г., АПО был единственным центральным археологическим учреждением, и, по мысли его заведующего В.А. Городцова, должен был таковым и оставаться, руководя и научной частью, и административным сопровожде-

нием археологических исследований. Возник конфликт интересов, создавший препятствия для консолидации сил в трудный момент становления советской археологии. Одним из самых острых стал вопрос о создании ЦАБ и возможном отстранении РАИМК от участия в процессе регламентации полевых исследований. Проект не состоялся, но, как показано выше, и в «Положении» об обновленном АПО В.А. Городцов стремился закрепить главенствующую роль этого учреждения не только в административном, но и в научном аспекте. Правда, в несколько завуалированной форме – посредством передачи руководства научным обследованием памятников, раскопками и выдачей ОЛ Ученому совету при АПО (где сам же и был председателем). Конфронтация сохранялась в 1923 и последующих годах, хотя руководству МУЗО и Главнауки удалось ее ослабить¹⁸. Этому способствовало возрастание роли и авторитета РАИМК, в 1926 г. преобразованной в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), и придание ей статуса всесоюзного учреждения.

Регламентация полевых исследований в 1923–1926 гг. выглядела следующим образом. Как указано в отчетах, Музейный отдел рассылал в губмузеи напоминания о необходимости заранее подать заявки на получение ОЛ. Они поступали в АПО, должны были пройти экспертизу в Академии, после чего заявка либо отклонялась, либо принималась, и тогда АПО выдавал ОЛ. На самом деле процесс шел совсем не так гладко. В 1923 г. РАИМК неоднократно уличала административный орган в выдаче ОЛ без консультаций с Академией, а АПО настаивал на обращении туда лишь в некоторых неясных случаях. При этом не только официально утвержденная, но и вообще какая-нибудь инструкция о порядке выдачи ОЛ отсутствовала¹⁹. Тем не менее работа по регламентации шла. В ГАРФ сохранились списки получателей ОЛ за 1923 и ряд последующих лет. Имеются протоколы заседаний комиссии по раскопкам РАИМК и Ученого совета при АПО, на которых рассматривались эти вопросы.

Неопределенность с порядком выдачи открытых листов создавала напряжение, в том числе и у руководства Главнауки. Поэтому МУЗО в августе 1923 г., то есть после воссоздания АПО, поручил В.А. Городцову разработать точную инструкцию о порядке выдачи ОЛ²⁰. Эта работа была им запланирована на осень 1923 г., что отражено в поквартальном «Календарном плане работ Археологического П/Отдела на 1923/1924 гг.»²¹. В отчете АПО за декабрь 1923 г. указано, что инструкция составлена, но в деле ее нет, и ознакомиться с ней нам пока не удалось. Нет ее и в делах 1924 г., хотя, судя по отчету Музейного отдела за январь-март 1924 г., она была утверждена Президиумом МУЗО²², однако потом претерпела некоторые изменения. Несколько странно, что ее нет и в фонде РАИМК в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры. Если этот документ позиционировался как обязательный к исполнению на общероссийском уровне, он должен был бы так или иначе обсуждаться в РАИМК. В целом же важно то, что описанный нами порядок выдачи ОЛ был закреплен Декретом 1924 г. Это дало возможность более жестко контролировать полевую активность и пресекать как явное кладоискательство, так и хищнические безграмотные раскопки, проводимые под видом научных изысканий.

Возникает вопрос, как и где хранились в то время отчеты о полевых исследованиях. Они поступали на рецензирование в Академию, после чего возвращались в Москву. После ликвидации Московского археологического общества в августе 1923 г. АПО получил в свое распоряжение его помещение на Берсеневской набережной и все имущество вместе с библиотекой. Именно там В.А. Городцов и предполагал устроить штаб-квартиру АПО, в том числе архив отчетов²³. Впоследствии, после реквизиции дома, часть отчетов была отправлена в РАИМК и ныне хранится в Рукописном отделе архива Института истории материальной культуры. Но до этого многое было, к сожалению, утрачено.

Интересно, каким образом осуществлялось финансирование полевых работ. Большую часть средств вкладывали местные музеи и иные учреждения. РАИМК получала отдельное финансирование. Часть средств давал Наркомпрос. В.А. Городцов и его заместитель С.Г. Матвеев лично «выбивали» деньги в Госплане РСФСР, на что получали от МУЗО специальные мандаты «на проведение смет»²⁴.

К 1926 г. обстановка опять изменилась. Произошла очередная реорганизация АПО и сокращение штатов (до 2-х сотрудников – В.А. Городцова и его заместителя С.Г. Матвеева). Изменилась и общая обстановка в стране: на смену НЭП пришла политика форсированного строительства социализма. В области идеологии это выразилось в наступлении марксизма, в начавшихся попытках Главполитпросвета²⁵ подмять под себя «музейное строительство» (точнее разрушить принципы, заложенные его организаторами). Осложнились и отношения с руководством Главнауки. Осенью 1926 г. В.А. Городцов ушел из АПО и прекратил административную деятельность. В дальнейшем работа АПО строилась иначе. Таким образом, 1923-1926 годы – заключительный этап «городцовского периода» в деятельности центральной археологической службы раннесоветского времени.

В заключение рассмотрим план работы Музейного отдела Главнауки на 1926/1927 гг., содержащий раздел по археологии²⁶. Его определено должны были составлять сотрудники археологической службы, судя по содержанию, сам В.А. Городцов. План охватывает вторую половину 1926 – первую половину 1927 г., то есть время, когда сам он уже не отвечал за его исполнение. Но суть документа отражает его идеи и представления о деле. Сначала обозначены общие задачи. Прежде всего, это проведение более энергичных мер охраны археологических памятников вплоть до привлечения виновных в самовольных раскопках к уголовной ответственности (во исполнение Декрета 1924 г.). Далее следует «углубление мето-

дической проработки общего плана работ археологических памятников, в частности составленных многолетних планов работы по исследованию памятников Херсонеса и Керчи». Как видим, предполагается реализовать одну из разработок Городцова, которую он считал одной из самых значимых организационных задач, – внедрение того самого общего плана археологических работ в РСФСР. Эта тема заслуживает отдельного исследования. Отметим только, что такую идею он вынашивал с 1919 г. и частично приступил к практическому ее применению, поспособствовав организации экспедиций в Поволжье в начале 1920-х гг. И третье: необходимо обратить особое внимание на работу музеев, состоящих на местном бюджете, установив по согласованию с ГубОНО²⁷ «твердые музейные сети, проработать основные задачи и внутреннюю структуру последних». Работа по укреплению музейной сети составляла основу деятельности всего Музейного отдела, и участие АПО в лице В.А. Городцова не только было обязательным, но и дало очень значимый вклад в этот процесс благодаря его опыту и знаниям. К сожалению, вся стройная система практически была развалена после вынужденного (по известным политическим обстоятельствам) ухода Н.И. Троицкой с поста заведующей весной 1927 г.

Как видно, сделано за 1923-1926 гг. было немало, трудности удавалось преодолеть. Так или иначе, после всех пертурбаций Археологический подотдел под руководством В.А. Городцова, являясь главным административным органом, не только выстоял в сложной обстановке первого десятилетия советской власти, но и продолжал играть огромную роль в деле охраны и исследования археологического наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Платонова Н.И., Мусин А.Е. Императорская Археологическая Комиссия и ее преобразование в 1917-1919 гг. // Императорская Археологическая комиссия (1859-1917 гг.) К 150-летию

ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. сост. А.Е. Мусин, общ. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 1064-1115.

² Тихонов И.Л. Становление системы археологического образования в Петрограде (1918-1925) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях / Материалы Международн. научн. конф. 26-27 февраля 2019, Москва. М.: ИА РАН, 2019. С. 48-50.

³ Сорокина И.А. Археология и «музейное строительство» первых лет советской власти // КСИА. Вып. 249. Ч. 1. 2017. С. 311-317.

⁴ Декрет СНК «О Российской академии истории материальной культуры» от 18.04.1919 г. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 431. Ед. хр. 113. Л. 1.

⁵ Сорокина И.А. Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 годы) // КСИА. Вып. 245. 2016. С. 512-524.

⁶ Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями в 1921-1930 гг. Руководитель с 1923 г. по 1927 г. – Ф.Н. Петров.

⁷ Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Василий Алексеевич Городцов: Дневники 1928-1944. Книга 1. 1928-1935 / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М., 2015. С. 12-72.

⁸ Центральное археологическое бюро вместо АПО и Археологической секции существовало с февраля по июнь 1923 г. и было преобразовано опять в АПО. См.: Сорокина И.А. Центральное археологическое бюро: проект В.А. Городцова (1923 год) // КСИА. Вып. 253. 2018. С. 431-443.

⁹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 19. Л. 9.

¹⁰ В провинции по большей части это было связано с финансовыми проблемами (Воронеж, Ростов-на-Дону и т.д.). Московский археологический институт в 1922 г. стал частью ФОН I Московского государственного университета.

¹¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 4. Л. 59-66.

¹² Губмузеи – губернские филиалы (отделы) Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Исполкомы – местные органы советской власти.

¹³ Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 07.01.1924 г. Опубликован: «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства». 1924. № 18. Ст. 179.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 10. Л. 46-46 об.

- ¹⁵ Инструкция Наркомпроса «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы», утвержденная Президиумом ВЦИК от 07.07.1924 г. Опубликована: «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства». 1924. № 66. Ст. 654.
- ¹⁶ Напомним, что В.А. Городцов с 1903 г. трудился в Российском (затем Государственном) историческом музее, где возглавлял созданный им отдел археологии.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 55. Л. 28–30, 37 об.
- ¹⁸ Сорокина И.А. Центральное археологическое бюро: проект В.А. Городцова (1923 год) // КСИА. Вып. 253. 2018. С. 431–443.
- ¹⁹ Такая инструкция появится только в 1927 г. См.: Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.): к истории создания // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2018. Т. 20. № 3. Ч. 2. С. 537–543.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 23. Л. 23.
- ²¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 4. Л. 70–71.
- ²² ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 10. Л. 21–21об.
- ²³ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 4. Л. 60.
- ²⁴ Там же. Л. 86, 87.
- ²⁵ Главполитпросвет – Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР в 1920–1930 гг. Председатель – Н.К. Крупская.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 377. Л. 3–9 об.
- ²⁷ Губернский отдел народного образования.

THE ACTIVITIES OF ARCHAEOLOGICAL SUBDIVISION IN THE SYSTEM OF PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR EDUCATION OF RSFSR IN 1923-1926: PLANS AND REALITY

© 2019 I.A. Sorokina

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article deals with practical activities of the administrative unit created in 1918: the Archaeological subdivision (subordinated to the Department of Museums and Preservation of Monuments of Arts and Antiquities of the People's Commissariat of Education of the RSFSR) in 1923-1926. The author traces the main directions of work of the subdivision: participation in the development of the first Soviet law on protection of cultural (including archaeological) heritage; in the creation and strengthening of a network of museums, repositories of archaeological collections; and in the regulation of field research. She highlights huge role of the department head, the outstanding archaeologist V.A. Gorodtsov, who at that time was ex officio the chief administrator of Russian field archaeology.

Keywords: all-Russian field research plan, permit for archaeological field research, instruction for the protection and research of archeological monuments, Archaeological subdivision.